

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Алексеевой Анаргуль Григорьевны «Социокультурная динамика семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири», представленную на соискание ученой степени кандидата культурологии по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология) в диссертационный совет Д 210.006.01 на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный институт культуры»

Актуальность избранной темы

Диссертационное исследование А. Г. Алексеевой обращено к непреходящей вечной, но от того особенно актуальной теме – сфере семейно-брачных отношений. В фокусе исследования, в частности, находятся вопросы актуального состояния института семьи у народов Южной Сибири, равно как и его исторической социокультурной динамики за достаточно длительный период с конца XIX столетия по настоящее время. Выбор диссертантом данной темы можно характеризовать как довольно смелый и ответственный шаг, поскольку в соответствующем направлении существует огромная по объему и в целом практически исчерпывающая, как может показаться на первый взгляд, литература.

В массиве опубликованных предшественниками А.Г. Алексеевой научных работ существует как колоссальный пласт качественных, глубоких по степени детализации этнографических нарративов, так и множество обобщающих текстов, в т.ч. монографических, построенных на основе сравнительной (хронологической, географической, кросс-культурной) аналитики. Казалось бы, академический дискурс в предметной области этнографии, антропологии или культурологической риторики по существу семьи, ее значения в развитии общества или отдельных сообществ коренных народов настолько ясен в своей содержательной основе, что вряд ли здесь есть простор для отдельного диссертационного исследования, претендующего на научную новизну и оригинальность выводов.

Вместе с тем знакомство с текстом диссертации А.Г. Алексеевой постепенно снимает данные сомнения, очерчивая и с различной степенью детализации раскрывая ряд принципиально новых контекстов известной в целом проблематики. К числу такого рода явно позитивных моментов смело можно отнести попытку диссертанта во второй главе рассуждать о связи между сохранностью традиционного института семьи у коренных народов Южной Сибири и ростом показателей преступности, распространением в молодежной среде девиантных форм поведения и вытекающих из этого последствиях с точки зрения социального благополучия данных сообществ в целом. Оставляя здесь без комментариев успешность данной попытки, заметим, что сам по себе ее факт уже интересен поскольку на материале индигенных групп Южной Сибири контекст прямой содержательной корреляции между состоянием института семьи и факторами роста преступности в известных исследованиях не выявлен и не подтвержден до настоящего времени. Несомненно, подобный элемент интердисциплинарного подхода к исследованию разработанной в общем-то темы выглядит вполне свежо и в научном смысле актуально.

Что касается актуальности выбранной диссертантом темы с практической точки зрения, то здесь все еще более очевидно. Полученные по итогам диссертационного исследования результаты могут способствовать прикладной аналитике по оценке эффективности политического курса государства в отношении сохранения уникальной культуры, традиций и образа жизни коренных народов, равно как и эффектов в их среде от реализации национального проекта «Демография». Кроме того, диссертация насыщена мотивированным аксиологическим нарративом по существу ценности семьи, семейных отношений и их роли в поддержании общественной стабильности / устойчивости, сохранении групповой культурной и этнической идентичности и проч. Иными словами, никаких сомнений в актуальности выбранной А. Г. Алексеевой темы нет и вряд ли может быть.

Новизна исследования и полученных результатов

В отношении научной новизны полученных в итоге результатов диссертационное исследование А.Г. Алексеевой однозначно оценить трудно.

С одной стороны, элемент новизны состоит в апробации в проблемном поле семейно-брачных отношений у коренных народов Южной Сибири синтетической методологии, обоснованной автором во введении к диссертации, сочетающей базовые принципы социогуманитарного и аксиологического подходов. Действительно, с применением подобного рода комплексной оптики институт семьи и брака, соответствующие традиции и культурные практики коренных народов южносибирского региона, пожалуй, еще не рассматривались в последовательном монографическом ключе. И, надо сказать, диссертация в этой части выглядит довольно свежо и многообещающе.

Вот только реализация этой амбициозной задачи, судя по основному тексту диссертации, оставляет желать лучшего: аксиологический подход вместо вдумчивой аналитики процессов производства, конституирования в повседневных практиках, транспоколенной передачи и механизмов редукции в контексте социокультурного перехода ключевых ценностей, культурных символов и смыслов, автор лишь воспроизводит вполне стандартный набор не просто хорошо известных, но и вполне очевидных аксиом в большей степени морально-этического, нежели рационального содержания о ценности семьи как ячейки общества (в обществоведческом контексте в целом), ее функциях и роли в развитии общества. Объективно данная часть выводов и обобщений диссертанта не содержит новизны. Однако саму попытку предложить и обосновать оригинальную методологию для исследования семейно-брачных отношений у коренных народов, несомненно, стоит приветствовать как составляющую новизны диссертации.

Элемент новизны и самостоятельности диссертационного исследования А.Г. Алексеевой просматривается также в присутствии материалов собственных полевых исследований на территории Республики Хакасия по изучению свадебной обрядности в ее современном состоянии у хакасов-качинцев. Фактически, в научный оборот введены ценные и актуальные данные, каковых по современному срезу явно недостаточно для адекватной оценки глубины и направленности процессов культурного перехода коренных народов Южной Сибири. На основе результатов собственных полевых наблюдений автор диссертации сумел наиболее

полно и небезынтересно рассказать о том, что, собственно, сегодня представляет собой комплекс брачной обрядности, наблюдаемой этнотерриториальной группы хакасов, что в ней сохраняется в современных условиях, а что вышло из обращения.

Очевидную и существенную новизну при первом прочтении текста диссертации сулит декларируемая автором задача под номером пять, в соответствии с которой автор намеревался «проанализировать морально-правовое регулирование особенностей конфликтных и десоциализирующих семейно-брачных отношений у народов Южной Сибири» и, видимо, на этой основе предложить практические меры по профилактике деструктивных форм семейных отношений. Однако фактически ничего подобного раздел 2.2 диссертации, в котором, собственно, решается данная задача, не содержит, ограничиваясь лишь самым общим рамочным описанием «стандартных» практик профилактики семейно-бытовой преступности и конфликтности.

Самим диссертантом к числу компонентов новизны исследования отнесен проделанный в диссертации анализ основных изменений в социокультурных аспектах традиционных семейно-брачных отношений у коренных народов Южной Сибири, в результате чего было заключено, что к настоящему времени у них повышен уровень толерантности к таким нежелательным явлениям, как институт приемного родительства, нетрадиционное партнерство, суррогатное материнство и проч. В этой части с А.Г. Алексеевой невозможно ни согласиться, ни поспорить, поскольку данный вывод не подкреплён никакой (!) фактурой: подтверждающей статистикой или хотя бы ссылками на официальные оценки ситуации экспертами. По сути это высказывание исключительно субъективное и основывается лишь на внутренних ощущениях автора. В таком случае ничего общего с научным исследованием оно не имеет, и степень новизны, соответственно, здесь не может быть определена.

Довольно спорным с точки зрения научной новизны является также заявление диссертанта о том, что он сумел обосновать периодизацию культурно-исторической динамики семейно-брачных отношений у коренных народов Южной Сибири. С одной стороны, формально это действительно так: выделены три этапа – досоветский, советский, постсоветский – и дана краткая характеристика свойственных им влияний на сферу семьи и брака у коренных народов. Но, с другой стороны, в этом интеллектуальном упражнении (не более того) не видно ничего принципиально нового: в отечественном обществоведении давно устоялась эта набившая оскомину традиция решительно все переодизировать именно в логике ключевых этапов смены форм государственного устройства в России. При этом не все исследователи даже задаются вопросом о том, насколько зависимы именно их конкретные объекты от исторической динамики государственных институтов в стране. В этой связи и в отношении диссертации А.Г. Алексеевой возникает такого же рода сомнение: задавался ли автор вопросом об обоснованности выбора рубежей перехода российской государственности от имперской модели к социалистической и далее к демократическому государству в качестве хронологических границ, разделяющих принципиально различные этапы еще и в истории семейно-брачных отношений у коренных народов Южной Сибири? Представляется, что вряд ли это абсолютно синхронные во времени процессы: смена форм государственного устройства и, соответственно, новые

политики (социальные, культурные, национальные), по крайней, мере не сиюминутно вызывали перестройку всей сферы семейных отношений в исследуемых А.Г. Алексеевой сообществах. И вообще: настолько ли это связанные вещи? Однако в данном случае это не критика диссертации, а лишь обоснованное, как кажется оппоненту, сомнение в новизне и оправданности одного их результатов диссертации.

Третий пункт научной новизны диссертации, по мнению автора, состоит в выявленной им специфике обрядовой культуры, в т.ч. свадебной, родильно-крестильной, родовых культов и верований, почитания культовых мест, духов-покровителей и проч. Но, строго говоря, основной текст диссертации позволяет говорить, что лишь в области свадебной обрядности диссертантом действительно проведена самостоятельная исследовательская работа: собраны собственные материалы в процессе полевых исследований, которые были обобщены и сопоставлены с опубликованными в литературе более ранними этнографическими описаниями. В итоге автору удалось получить действительно значимые и новые выводы о трансформации культурных контекстов и самой этнической традиции. Но это все касается только свадебной обрядности и не более того. Все остальное, что перечислено выше, представлено в диссертации в виде выжимок и цитат из опубликованных работ предшественников и, разумеется, никакой научной ценностью и новизной с точки зрения рассматриваемой диссертации и ее вклада в развитие науки в соответствующем направлении не обладает.

Степень обоснованности и достоверности научных положений, выводов и заключений, сформулированных в диссертации

По совокупности выносимых на защиту положений диссертационное исследование А.Г. Алексеевой претендует, как кажется из общей логики рассуждений диссертанта, на обновление исследовательской программы культуролого-этнографической тюркологии в части рационализации текущих процессов перехода народов Южной Сибири к современным / постмодерным формам социальной организации и соответствующим культурным практикам, в частности, на примере эволюции в современных контекстах института семьи, норм и традиций семейно-брачных отношений.

Можно сказать, что в целом данная амбиция реализована. На большом массиве опубликованных в научной литературе нарративов, который диссертант удачно дополняет материалами собственных полевых исследований (что является неоспоримым и существенным преимуществом работы), в диссертации системно показана картина последовательной, иногда острой и болезненной, а иногда латентной и внешне не проявляемой адаптации этнической традиции в сфере семьи и брака к целому комплексу актуальных сегодня вызовов и угроз. При этом местами автор несколько отходит от академического стиля изложения материала и строго научного языка, формулируя весьма эмоциональные и, кстати, не всегда эмпирически подкрепленные заключения, явно не вытекающие из основной канвы рассуждений по тексту основной части диссертации. Хотя таких случаев в рецензируемой работе можно найти довольно много, в целом они не снижают общей положительной оценки работы, лишь подчеркивая эмоциональную связь автора с ценностной стороной рассматриваемой проблематики.

Комплекс выносимых на защиту положений свидетельствует о завершенности и логической целостности работы. Ни одно из них не вызывает обоснованных возражений по содержанию, обоснованности и/или самостоятельности, хотя имеются отдельные замечания к форме представления итоговых заключений, выводов и обобщений, которая, мягко говоря, местами несовершенна, а также допущенным диссертантом неточностям в этой важнейшей части работы.

Первое из выносимых на защиту положений задает обоснованный методологический контур исследования, интегрирующий принципы социокультурного и аксиологического подходов, что видится вполне адекватным решением с учетом специфики обсуждаемой в диссертации проблематики, так или иначе связанной с ценностной основой культуры и социальными аспектами ее бытования на протяжении рассматриваемого длительного исторического периода (более одного столетия). Вместе с тем в отношении первого из выносимых на защиту положений нельзя не отметить его недостаточно очевидную связь с текстом основных разделов диссертации из которых в целом не следует, что автор проделал существенную работу в обоснование данного тезиса с опорой на данные, из-за чего он в определенной степени оторван от основного контента работы и по существу появляется только в заключении.

Во втором положении, выносимом на защиту, обнаружена довольно серьезная неточность. По наблюдениям автора, этническая культура коренных народов Южной Сибири обусловлена кочевым способом производства, его кочевым характером, что, соответственно, повлияло и на характерный тип культуры, в т. ч. на уровне регуляции внутрисемейных отношений. Дело в том, что хозяйственно-культурный тип кочевых скотоводов характерен не для всех коренных для южносибирского региона народов. К нему никак не могут быть отнесены, к примеру, таежные охотники и собиратели (шорцы, кумандинцы, челканцы), равно как практикующие Саянский тип оленеводства тофалары и тувинцы-тоджинцы. Не ясно также, о каких именно из южносибирских народов в диссертации все-таки идет речь: прямых на это указаний нет. Повсеместно используется обобщенная терминология типа «коренные народы Южной Сибири». Соответственно, невозможно понять, реально в фокусе исследования оказались лишь в прошлом кочевые народы (тувинцы, хакасы, алтай-кижи, теленгиты) или же представители иных хозяйственно-культурных типов тоже (шорцы, челканцы, кумандинцы)? Но, как бы то ни было, использование обобщенного названия и автоматически единые оценки во всем, что касается культуры и образа жизни коренных народов рассматриваемого региона не просто не оправдано в данном случае, а даже приводит к смысловым и фактологическим коллизиям. То, что пытается сказать диссертант о трансформации сферы семейно-брачных отношений у народов Южной Сибири, в действительности имеет отношение лишь к условной группе кочевников-скотоводов (по профилю традиционной хозяйственной деятельности и основанных на нем культурных практик), да и то с большой поправкой на их существенную вырванность из традиционно-культурного контекста сегодня.

По-видимому, чувствуя это, автор в тексте пункта 2 раздела автореферата «Основные выносимые на защиту положения» не смог определиться окончательно с временными формами используемых глаголов, то сообщая, что «...соответственно хозяйственному укладу осуществлялось [*прошедшее время*] его социальное и культурное бытование...», то констатируя вдруг, что в сфере

семейно-брачных отношений наблюдается [*настоящее время*] значительная доля патриархальных традиций. В каком временном континууме все-таки существуют эти важные выводы, совершенно не ясно. Если во времени прошедшем, тогда никаких более нет вопросов за исключением одного: что, собственно нового говорит диссертант этим выносимым на защиту положением? Все упомянутые обряды и практики по выбору брачного партнера, ценности и традиции гостеприимства и, само собой разумеется, принципы незыблемости семейных установлений – все это сюжеты, с исчерпывающей полнотой описанные в этнографической литературе, в т.ч. на материалах коренных народов Южной Сибири.

Смысловых искажений не лишено и выносимое на защиту положение под номером три. В частности, диссертант сообщает, что, несмотря на попытки насильственной ассимиляции со стороны «Царской России» [*уже, возможно, избыточно резкое и упрощенное суждение*], христианизации и борьбы с язычеством, коренные народы, тем не менее, смогли сохранить особенности своей «хозяйственной и духовной деятельности, **в том числе и запреты на браки между родственниками**». Логика этой конструкции довольно странна и фактически заставляет предположить, что к заключению близкородственных браков сибирских «инородцев» подталкивала сама имперская политика в отношении них. Прямых тому свидетельств в исторической и этнографической литературе нам, по крайней мере, не известно.

Четвертое положение и вовсе частично воспроизводит предшествующий текст (положения № 3) в данной части: «... хозяйственный уклад семьи, ее морально-правовой статус [*довольно неопределенный термин, применяемый, но не разъясняемый в диссертации*] выступает в качестве ценностей и норм этнической культуры коренных народов Южной Сибири». Насколько данный повтор оправдан и/или допустим, оппонент судить не берется, но смысла в этом не видит.

По тексту пятого положения, выносимого на защиту (с. 11 автореферата), содержится ссылка на одну из опубликованных работ, что не принято, когда речь идет о самостоятельно сделанных выводах.

И, наконец, завершая обзор раздела «Основные положения, выносимые на защиту», нельзя не обратить внимание на тот факт, что текст положений № 5 и № 6, приведенный в автореферате (с. 11-12) и введении к диссертации (с. 15-16) существенно различен, что затрудняет оценку.

Как явное преимущество диссертационной работы звучит заявление диссертанта о том, что он впервые вводит в научный оборот новые данные (по крайней мере такая амбиция заявлена на с. 16 диссертации) и, в частности, дело № 256 описи №1 Фонда №5 научного архива Музея антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого «Кунсткамера». Вместе с тем, очень жаль, что более никаких сведений о содержании данных документов и их роли в диссертационном исследовании А.Г. Алексеевой не сообщается. Однако, по данным электронного каталога научного архива МАЭ РАН¹ данный фонд включают документы личного архива работавших на территории Хакасии этнографа – Липской Н.А. и археолога Липского А.Н. Упомянутая же опись № 1 объединяет лингвистические материалы. А вот опись № 2 того же фонда, не использованная диссертантом, содержит

¹ См.: https://www.kunstkamera.ru/museums_structure/nauchnyj_arhiv_mae

материалы по этнографии народов Южной Сибири. В этой связи, не понятно, по какой причине автор диссертации, посвященной семейно-брачным отношениям у народов южносибирского региона, проходит мимо богатого массива этнографических данных по хакасам, выбирая для своей работы опись с материалами лингвистических исследований в том же фонде. Были ли на то рациональные причины? Погружался ли автор в проблематику, скажем, терминологии родства или исследовал записанные предшественниками фольклорные нарративы, которые стремился использовать в качестве источника данных для своего исследования? Все это не известно. Ясно только, что в основной части диссертации, в которой обсуждаются (или должны обсуждаться) используемые научные данные, и следа данных материалов – лингвистических материалов из личного архива Липских – не осталось: они попросту больше нигде не упоминаются.

Подчеркнем, что высказанные выше замечания по разделу диссертации, содержащему выносимые на защиту положения, не касаются их научной ценности, новизны и оригинальности, а затрагивают лишь отдельные нюансы представления выводов и заключений. Ни одно из замечаний в этой части отзыва, по мнению оппонента, не является критическим, хотя и снижает общее впечатление от научного уровня работы.

Значимость для науки и практики выводов и рекомендаций по итогам диссертационного исследования

Вполне можно согласиться с диссертантом о том, что полученные им результаты могут применяться для разработки и преподавания учебных курсов для обучающихся на программах высшего образования в соответствующих областях культурологии, этнографии, музееведения и других смежных дисциплин. Частично оппонент готов согласиться, хотя и с определенной долей скепсиса, с тем, что диссертационное исследование А.Г. Алексеевой может способствовать развитию практик профилактики семейно-бытовой преступности. Хотя напрямую никаких новых рекомендаций в данном направлении диссертант не предложил, работа, все же, содержит обширные материалы по культуре семейно-брачных отношений у народов Южной Сибири, которые, вероятно, могли бы приниматься в расчет при адаптации широко распространенных общих профилактических практик к социокультурной специфике именно коренных народов.

Что касается научной значимости результатов рецензируемого диссертационного исследования, то в этом отношении все значительно сложнее. Из-за обилия заимствований обсуждаемых в диссертации материалов из опубликованных научных работ в ней практически незаметны самостоятельные эвристики автора. Соответственно, его теоретический вклад в развитие академического дискурса в выбранном тематическом направлении определить непросто. Вместе с тем, некоторые научные данные впервые введены в научный оборот, а именно: материалы собственных полевых исследований в регионах Южной Сибири, а также ранее не освоенные исследователями (*в этом оппонент не уверен и полагается на утверждение диссертанта*) архивные материалы и, в частности, отложившиеся в фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), что вполне значимо для диссертации на соискание ученой

степени кандидата наук и может быть причислено к перечню несомненных преимуществ работы.

Автор полагает также, что к числу его теоретических достижений относится выявленный потенциал норм обычного права как источника для анализа родовых и семейных отношений у рассматриваемых групп коренных народов, что является практически неисследованной темой в сибирской тюркологии. Это, несомненно, было бы так... если бы в диссертации действительно был бы представлен обстоятельный строго научный и рациональный анализ норм обычного права с опорой в том числе на новые научные данные, а не наспех составленный обзор всего (а в сущности и далеко не всего), что на эту тему написано в литературе. Соответственно, признать за диссертантом раскрытие эвристического потенциала правового обычая коренных народов Южной Сибири никак нельзя. Хотя бы потому, что он ничего не привносит в эту тематику нового, а лишь транслирует уже имеющееся и зафиксированное в литературе знание.

В целом же с точки зрения научной и практической значимости диссертационное исследование А.Г. Алексеевой сугубо квалификационная работа, цель которой скорее состоит в демонстрации соискателем ученой степени своей способности к самостоятельной аналитической исследовательской работе, а это не вызывает возражений. Существенного вклада в развитие науки и практики в соответствующих областях диссертация не вносит.

Оценка содержания и оформления диссертации

В целом диссертационное исследование А. Г. Алексеевой – вполне законченная работа, в основном соответствующая требованиям к оформлению и структурно-логической композиции диссертаций. Вместе с тем именно последовательность и ясная логика организации материала в разделах диссертации явно в дефиците. Иногда это настолько очевидно, что без соответствующих замечаний обойтись невозможно.

Глава 1 диссертации оставляет впечатление неполного соответствия названию реального содержания, а также не вполне системного последовательного изложения материала. В особенности это характерно для параграфа 1.1. «Методологические подходы к исследованию семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири: социокультурный и ценностный аспект».

С одной стороны, автор действительно обсуждает применимость заявленных методологических рамок для исследования предмета диссертационной работы. И даже подкрепляет свои рассуждения множеством примеров из этнографических нарративов предшествующих исследований (начиная с XIX в.). Но при этом сам уровень понимания обсуждаемой методологии в том виде, как его сумел передать диссертант, не позволяет говорить ни о проникновенной глубине возможных на основе социокультурного и ценностного подходов обобщений по существу уже известных фактов, ни об открывающихся перспективах расширения корпуса доступных данных за счет применения качественно нового дизайна исследования, выстроенного на методологической основе обсуждаемых подходов. Ничего подобного раздел 1.1 диссертации отнюдь не содержит. Вместо этого – лишь вполне очевидные рассуждения о ценности семьи для (традиционного) общества, а также и без того очевидной связи между семейно-брачными отношениями и

культурным контекстом, в котором они существуют и исторически эволюционируют. По существу, эвристический потенциал социокультурного и ценностного подходов в данной части диссертации не раскрыт.

В определенной степени хаотично выглядит параграф 1.1 и в отношении последовательности, смысловой стройности, логичности повествования. Смысловые переходы от перечисления (причем в самой примитивной словарной форме) ключевых дефиниций (семья, семейно-брачные отношения, обрядность в данной сфере и т.д.) к описанию самих некоторых обрядов по их опубликованным этнографическим описаниям вперемешку с краткими сведениями из биографий исследователей предшествующих этапов изучения семейно-брачных отношений у народов Южной Сибири и, наконец, резкому обрыву текста (практически на полуслове) по окончании описания свадебной обрядности (кстати, по-прежнему, так и не известно, какого именно из южносибирских народов) без каких либо попыток предложить хотя бы пару важных смысловых обобщений по теме параграфа.

В параграфе 1.2 традиции левиратного (сороратного) брака неожиданно диссертант объявляет пережитком, по-видимому, придавая этой оценке отчетливо негативные коннотации. Вместе с тем общий контекст повествования о традициях семейно-брачных отношений у хакасов в данной части диссертации, выстроенный в терминологии прошедшего времени, собственно, целиком посвящен описанию «архаической» традиции прошлого. В таком случае, почему именно левират является пережитком, не вполне понятно.

Положительным моментом является использование в диссертации материалов собственных полевых исследований автора. В разделе 1.2 диссертации встречается первое по тексту упоминание об экспедициях, совершенных диссертантом с целью сбора материала по теме. Сообщается, в частности о записи важной истории об усыновлении детей в селе Аршаново Алтайского района Республики Хакасия. Также автор сообщает, что в процессе реализации программы полевых исследований (к сожалению, не указывается время их проведения) в селах Аршаново и Сартаково Республики Хакасия им лично была записана свадебная обрядность хакасов – качинцев, непосредственно в процессе наблюдения за ходом свадьбы. Далее по тексту раздела 1.2 диссертации (с. 46 и далее) на основании данного материала проведена оценка современного состояния свадебной обрядности хакасов путем сопоставления этнографических описаний «классического» обряда по его состоянию на вторую половину XIX – начало XX вв., отложившихся в доступной литературе с результатами собственных полевых наблюдений в начале XXI столетия. По существу столь масштабная диахрония с опорой на первичные материалы прямых наблюдений, несомненно, очень ценна с точки зрения обогащения существующего научного представления о степени актуальности практикуемых в настоящее время коренными народами форм, систем и практик некогда традиционных этнокультур. Впечатления от этой части представленной в диссертации аналитики снижается, вместе с тем, из-за отсутствия этой самой аналитики как таковой... В сущности, автор лишь дает беглое описание того, что сохранилось, а что вышло из обихода в свадебной обрядности хакасов. Попыток дать рациональные объяснения причинам соответствующей динамике и результатам произошедших трансформации культурных практик автор даже не предпринимает.

Одно из фактологических сообщений параграфе 1.2 требует уточнения. Говоря о народах Сибири в целом, на с. 41 автор сообщает, что традиция обращения женщин с эмегендерами (ритуальными куклами) была настолько распространена, что при заключении брака невеста не могла попасть в дом жениха, не имея данных кукол. В этнографической литературе действительно подробно описана традиция эмегендеров на материале телеутов. Насколько корректно экстраполировать данные описания на все сообщество народов Сибири – вопрос риторический. Совершенно точно, речь идет о традиции, в основном распространенной у телеутов, в то время как многие народы Сибири таковой традиции не практиковали.

Наконец, на с 42 автор перечисляет конкретные народы, которым, собственно, посвящена диссертация: хакасы, алтайцы, шорцы, телеуты, тувинцы. Полагаю, это необходимо было сделать еще во введении, чтобы заранее снять массу вопросов. Вторая претензия в этом же контексте состоит в отсутствии уточнения, что именно автор понимает под «алтайцами» (собственно алтай-кижи, либо также алтайские субэтноты – теленгитов, челканцев, кумандинцев) и по аналогии, кого он относит к тувинцам (всех, включая периферийные группы тоджинцев, монгун-тайгинцев, терехольцев, или же лишь собственно тувинцев западных и центральных хошунов Республики Тыва).

В определенной мере оторванными от основного содержания параграфа 1.2 выглядят отдельные обобщающие выводы по представленным в нем материалам. Это очевидно касается, в частности, заявления об определяющей роли этноконфессионального фактора, в том числе влияния ламаизма, бурханизма, шаманизма, «насильственной христианизации» на «... нормы поведения и самобытный уклад жизни народов» [*Южной Сибири. Следует полагать*]. Дело в том, что нигде выше и ни в коей мере эта тема совершенно не была затронута, и, соответственно, не ясно, на каких материалах диссертант выдвигает данный тезис. Не берем уже в расчет его отнюдь небесспорные формулировки, особенно в части христианизации коренного населения региона как акта насилия над ним, которые, вне всяких сомнений нуждаются в развернутом обосновании с опорой на эмпирические данные, чего в рецензируемой диссертации не сделано.

Другой эпизод непоследовательности изложения основного материала и выводов связан с внезапным появлением селенгинских бурят на с. 61, где автор формулирует главные свои (?) мысли по итогам рассмотрения основного материала раздела 1.2. Нигде выше про бурят и их культуру ничего не сообщалось, и даже при перечислении народов Южной Сибири, которые затронуты диссертационным исследованием, автор их не упоминает. Однако при обобщении материала раздела 1.2 они вдруг появляются в выводах автора.

Содержание выводов, приведенных в конце первой главы диссертации, в действительности не имеет к ней никакого отношения, поскольку положенный в их основу материал развернуто представлен во второй главе.

Раздел 2.1 содержит большой массив откровенно лишнего текста (не соответствующего теме), например, о концепции областников XIX столетия, подаваемой вне связи с семейными отношениями у коренных народов; или рассуждения о колониальном характере политики Российской Империи в Сибири, что также прямо не соответствует заявленной в названии раздела 2.1 теме.

Социокультурная динамика семейно-брачных отношений в разделе 2.1 так и не была показана на должном уровне аналитичности, эмпиричности и доказательной (аргументируемой) рационализации. Вместо этого более 80% места отведено по сути контекстуальной зарисовке – общим характеристикам процесса колонизации и освоения региона со стороны Российского государства, критике российского колониализма и проч. историческим сюжетам без отсылок к основной теме диссертации; и лишь в завершении раздела 2.1 крайне лапидарно (на уровне даже не ключевых тезисов, а неких метапредметных суждений) сказано, в чем состояли главные особенности воздействия на индигенные сообщества коренного населения Сибири политических курсов имперского, советского и постсоветского периодов. При этом крайне несимпатично смотрятся ничем не подкрепляемые заявления автора, к примеру, о масштабах негативных проявлений в области института семьи и брака, культуры семейных отношений и основных тенденций современного исторического этапа. Вряд ли допустимо в научной работе говорить, скажем, об «ухудшении демографических показателей», росте «детской безнадзорности» или «росте внебрачной рождаемости» и при этом не приводить никаких количественных данных и ссылок на соответствующие официальные источники. В равной степени то же замечание распространимо практически на весь текст диссертации, изобилующий необоснованными / неподтверждаемыми заявлениями диссертанта.

Одну (если не самую) из наиболее оригинальных частей диссертационного исследования могли бы составлять рассуждения автора о возможных практических мерах по профилактике семейного насилия и преступности в семье, концептуальном обосновании деятельности в этом важнейшем направлении (раздел 2.2). Однако и в этом случае возникают вопросы новизны идей и предлагаемых решений проблемы. На с. 130-131 предложен настолько стандартный, очевидный и, надо сказать, давно практически реализуемый перечень возможных профилактических действий (от постановки на учет ранее судимых лиц до психологической поддержки жертв домашнего насилия), что не ясно, причем, собственно, здесь настоящая диссертация и каков ее вклад в решение данной проблемы.

По оформлению параграф 2.2 наименее структурированный среди всех разделов диссертации. Материал в нем расположен в настолько хаотическом порядке, что нет никакой возможности оценить ни логику изложения, ни аргументацию автора в обсуждении ключевых вопросов. Одно очевидно: своей основной задачи параграф не выполняет, по крайней мере, в части продекларированного диссертантом намерения предложить комплекс мер по профилактике деструктивного (преступного) поведения в семье именно у коренных народов изучаемого региона. Ничего подобного в итоге не сделано. Вместо этого дан пространный обзор всего того, что в принципе делает государство и институты гражданского общества для решения проблем домашнего насилия вообще. Таким образом не выдержаны ни фокус на модельных для диссертации сообществах – коренных народах Южной Сибири – ни требования новизны предлагаемых решений (т.к. по сути диссертант от себя ничего не добавляет к описанию уже существующих практик профилактики семейного насилия).

Заключение по диссертации в объеме всего две с половиной страницы также представляется избыточно кратким и неразвернутым.

Выполнение требований по опубликованию основных результатов диссертации в научной печати

В отношении требований к опубликованию основных результатов диссертации к диссертации А.Г. Алексеевой нет никаких претензий. Перечень работ диссертанта, размещенный в автореферате, насчитывает 16 единиц, в т.ч. публикаций в изданиях, рекомендованных ВАК России – 5 единиц. Результаты диссертационного исследования, таким образом, опубликованы в полном объеме.

Мнение о диссертации в целом и заключение о ее соответствии требованиям, установленным Положением о порядке присуждения ученых степеней

Множество упомянутых выше недостатков работы, хотя и снижает общее впечатление от диссертации, по совокупности не является основанием для сомнений в реализации основной цели и исследовательских задач. Диссертанту удалось продемонстрировать свою способность собирать, обобщать, анализировать научные данные по теме исследования и получать в итоге новое знание.

В целом, диссертация А.Г. Алексеевой «Социокультурная динамика семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири» соответствует требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, а ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени.

Официальный оппонент,
кандидат исторических наук,
заведующий лабораторией
этносоциальных
исследований Кемеровского
государственного
университета
650000, г. Кемерово, ул.
Красная, д.6
тел.(раб.): +7(3842) 58-00-31
тел. (моб.): +7 (913) 297-50-26,
poddub@gmail.com

**Поддубиков Владимир
Валерьевич**

кандидат исторических наук
(07.00.07 - Этнография,
этнология и антропология)

Дата «13» июня 2021 г.

Подпись В.В. Поддубикова заверяю

Зав. канцелярией Е.В. Кузнецова